ВИОЛЕТТА БОВТ

Статья «Виолетта Бовт» Г. Грановской об известной советской балерине, артистке Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко публикуется в девятом номере журнала «Театр».

С разрешения редакции журнала Агентство печати Новости предлагает читателям эту статью с некоторыми сокращениями.

ТАНЦОВЩИЦА у балетного станка. Не в пышных пачках, а в рабочем трико, не в замке принца, а в пустом зале с политым водой полом. Она — в балетном классе, где начинается каждый ее новый день.

...Словно упругий волчок, кружится Виолетта Бовт в фуэте, неустанная, неугомонная... Внутренняя собранность танцовщицы так велика, что все в ней словно подчинено единому ритму, точному, четкому, стремительному. Вот она летит в высоком прыжке — свободно, увлеченно, будто наслаждается радостью полета.

Балетная техника всегда верно служит артистическому дарованию Виолетты Бовт. Чтобы быть выразительной на сцене, нужно стать еще техничнее в классе — таков закон искусства, которому посвятила свою жизнь балерина.

Про Виолетту Бовт хочется сказать: танцует сердцем. Ее героинь, очень разных (по эпохе, нравам, проявлениям чувств) одинаково пронизывают страстная вера в душевные силы и красоту человека, сочувствие горю и страданиям, ненависть к пошлости и самовлюбленной тупости.

Стремительный прыжок-порыв — и появилась на площади Эсмеральда, цыганочка-плясунья, она будто сошла на сцену прямо со страниц Гюго: «Черноволосая, быстрая, как оса...» балерина сразу определяет настроение Эсмеральды — доверчивой и чистой девушки-ребенка. Ее руки, не извращая норм классического танца, все же чуть отходят от них: в их изгибах — цыганский оттенок... Тонкие, нервные, они говорят о живости, страстности, радости жизни. Но с той самой минуты, когда цыганка встречает красавца Феба, она меняется. Нет и следа прежней подвижности, очарованная, она затихает. Адажио во дворце у Флер де Лис необычайно насыщено эмоциями. Эсмеральда двинулась навстречу Фебу и нерешительно остановилась, робко отступила... Но Феб ждет, и она протягивает ему руки. Протяжные арабески, сменяющиеся плавными перегибами корпуса, звучат, как признания в любви, нежной, восторженной. «Феб — это солнце!». Но вот идет третий акт — сцена с аббатом Фролло. В танце Эсмеральды, отчаянном и гневном, каждое движение кричит «нет!». Бовт не боится показаться несдержанной, она знает: если чувства подлинны и глубоки, ничто не может быть чересчур. Краски любовного дуэта, когда во второй картине первого акта Медора ждет в пещере любимого, совсем иные, чем в «Эсмеральде». Там — наивная восторженность, здесь — любовная нега, томление, торжество земной человеческой страсти. Именно это торжество, эту нерассуждающую силу любви воплощает Бовт в своей Медоре, и сложнейшая техника ее танца — диагональ с двойными турами, прыжки, фуэте, усложненные двойным пируэтом, — создает впечатление какого-то ликующего завораживающего вихря, еще более выявляет существо байроновского образа.

Донна Анна открывает в Виолетте Бовт тонкую актрису, способную передать в танце смену душевных настроений, глубину движений человеческой души.

Вспоминается репетиция «Дон Жуана» в музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко за несколько недель до показа балета публике. Сцена, еще пустая, неуютная, лишенная той праздничной торжественности, которая приходит вместе с декорациями. Вместо костюмов — обычные репетиционные трико. Бовт склонилась над балетным туфлем, крепко затягивает ленточки поверх обязательных шерстяных гетр. Но уже сейчас она в плаще, уже пробует костюм... Потом, на спектакле, мы увидим, что плащ Донны Анны — это символ. Словно в броню закована она в него. Потом мы увидим, как освободится Донна Анна от траурных сковывающих покровов, когда мертвящие пута спадут с ее души и в ней пробудится жажда жизни и счастья.

Вот Донна Анна идет к могиле мужа, строга, аскетична, торжественна. Медленным, гордым жестом откинута с лица вуаль. Этот первый ход — точно найденная пластическая экспозиция. В том, как идет артистка, и гордость Донны Анны, и ее благородное происхождение, и одиночество. Признания Дон Жуана оскорбительны для нее. Она отвергает их не задумываясь. Дон Жуан настойчив, и вот она встречается с ним взглядом... Пугаясь самой себя и внутренне протестуя, Донна Анна бежит, забыв свою размеренную поступь. Во втором дуэте и в монологе Анны балерина поднимается до подлинно драматических высот. Любовь все более захватывает ее героиню. Она еще борется, еще укоряет себя, но уже не в состоянии противиться. Танец взволнован, растет его страстное напряжение, он передает все оттенки борьбы: сомнения, страх, муку и, наконец, все побеждающую, ликующую радость. Эта радость любви у Донны Анны — настоящее открытие актрисы. Для ее героини любовь — не грех, не искушение, но именно радость, впервые познанная, проснувшаяся вместе с надеждой на счастье. Когда эта надежда переходит в горячую веру, ее героиня словно объята пламенем, прекрасным, всепоглощающим. Нет больше жизни для нее без Дон Жуана; его гибель — это и ее гибель.

По глубине и силе эмоций мы снова узнаем артистическую природу балерины и снова — у нее в плену. Не потому, что сюжет полон трагического пафоса — Бовт танцует не сюжет. Она выносит на сцену, делает зримым сложный душевный мир человека с его неустанными поисками, надеждами, разочарованиями, стремлениями.

В «Вариациях» Бизе сюжета почти нет. Поэт и его греза, мечта, поэт и вдохновение, то настигаемое, то ускользающее... В исполнении Бовт это маленькая повесть о том, как стремления, даже самые искренние, не всегда побеждают жизненный водоворот, о печали и неизбежности расставаний. Музыку «Вариаций» балерина ощущает всем своим существом, чувствует ее внутренний смысл. Бовт не знает ограничений репетиционной комнаты. Недаром у Виолетты Бовт есть друзья и помощники в Пушкинском музее, недаром ее приветливо встречают в Ленинской библиотеке, она дружит с историками и театроведами, художниками и скульпторами, композиторами и поэтами. Их связывает искусство, стремление актрисы проникнуть в мир своих творений, вдохнуть воздух времени, ощутить прелесть костюма, понять сложность и противоречия человеческих отношений. Ее Франческа («Франческа да Римини» Чайковского) будто бы сошла с полотен художников Возрождения. Не повторяя ни Эсмеральды, ни Медоры, ни Донны Анны (по времени близко стоящих к Франческе), Бовт станцевала эту роль, уловив в ней главное: чистоту и цельность натуры трагической героини.

Классический образ девушки-лебедя в балете Чайковского поразил своей человеческой жизнеутверждающей силой. В хрупкой трепетной Одетте воплощена чистота и искренность любви, присущие не только далекой сказочной принцессе, но и сегодняшнему, живущему рядом с нами человеку. Одетта в исполнении Бовт — существо, рвущееся к воле, к людям, жаждущее скинуть с себя чары колдовства.

Одиллия-Бовт — заговорщица и чародейка, прекрасная, зловещая волшебница с повадками благородного лебедя, только взмах рук-крыльев у нее стал резче, острее, стремительнее. Характер Одиллии

НАШИ ВОСКРЕСНЫЕ БЕСЕДЫ ОБ ИСКУССТВЕ

-Бовт оттеняет и глубину страдания принца и боль Одетты.

В сценических созданиях Виолетты Бовт нет места архаизму, холодному абстрактному академизму. Всей своей творческой жизнью танцовщица доказала, что ей близки ритмы и темпы современности.

Интереснейшей заявкой на роль современницы стало выступление танцовщицы в одноактном балете «Поэма».

...Неподвижная, скульптурно-застывшая скорбная женская фигура. Словно каменные, падают тяжелые складки серого покрывала. Олицетворением трагедии войны, символом бездонного народного горя явилась героиня Бовт в начале спектакля. Обобщающий пластический рисунок танца артистка сохраняет и дальше, когда ее широкие прыжки, всплески рук изливают горе, отчаяние... Вместе с тем Бовт в этом спектакле ничего не пропущено — ни смены настроений, ни нарастания событий, ни возгласа, ни крика...

Много раз, выходя на сцену, Виолетта Бовт ломала привычные представления о возможном и невозможном, много раз убеждала в своей правоте, когда шла на риск. Запасы ее творческих сил огромны. Беспокойная, она умеет тревожить, побеждать равнодушных. И это красноречивее всяких слов убеждает в силе и подлинности таланта.

(АПН).

ПРАВДА
г. Николаев
10 ОКТ 1965
100